

С.Ф. Дзанаева

Религия в культуре полиэтничного города Владикавказа (1920–1930-е гг.)

Сегодня в России происходит беспрецедентная трансформация общественного сознания: увеличивается число верующих, строятся новые и восстанавливаются старые храмы, усиливается роль религиозного фактора в государственной и общественной жизни. Уникальность этого процесса, отсутствие аналогов в мировой истории ставят много вопросов перед современной гуманитарной наукой, актуализируют как церковно-исторические исследования, так и проведение мониторингов и социального прогнозирования.

Особым объектом научного внимания должны стать полиэтничные регионы, духовная культура которых представляет собой сложный синтез культурных систем, созданных разными этническими и конфессиональными группами. Поэтому полиэтничное общество считается интересным объектом исследования, своеобразной лабораторией по изучению исторического опыта межконфессионального общения.

Владикавказ – этноконтактная зона с активным взаимодействием и взаимовлиянием различных культур. Конфессиональное пространство города составляли православные церкви осетин, русских, греков, грузин, григорианская церковь армян, суннитская и шиитская мечети татар, персов, азербайджанцев, кирха немцев, костел поляков, синагога евреев, многочисленные домовые церкви и молитвенные дома.

Большевики, пришедшие к власти в 1917 г., строили новое общество в соответствии со своим видением будущего страны. Крушение владикавказских храмов, вытеснение религии из истории и культуры города, из духовной жизни горожан стали печальным итогом государственно-церковных отношений. Секуляризация церковного имущества и воинствующий атеизм 1920-х гг. разрушили храмовое пространство города.

Коммунисты считали, что поскольку взаимоотношения с религией, с верующими следует подчинить задачам политической борьбы, то оправданы любые действия в отношении конфессиональных структур. Твердое убеждение, что активная борьба с религией выступает одним из важнейших средств преодоления духовного, политического и экономического угнетения, а религия по сути своей несовместима с подлинно социалистическими ценностями, вольно или невольно подталкивало к восприятию не только духовенства, но и верующих в качестве реальных или потенциальных противников социализма.

4 февраля 1922 г. Горский ЦИК утвердил и разослал партийным организациям циркуляр «О постановке антирелигиозной пропаганды», в котором были конкретизированы основные положения постановления Пленума РКП (б) 1921 г. «По вопросу о нарушениях пункта 13 программы и о постановке антирелигиозной пропаганды». В содержании агитационной работы делался упор на то, что населению нужно разъяснить темное происхождение религии, ее несовместимость с наукой и убедить народ, что религия исчезнет с ростом знания и власти человека над природой. Обращалось внимание на организацию «самой широкой научно-просветительной и антирелигиозной пропаганды», соответствующей задачам социалистического строительства. «Нашим безбожникам надо не забывать, что Владикавказ – еще непочатый край религиозного винограда. Здесь имеется до 14 религиозных сектантских течений, и в этом отношении Владикавказ требует от безбожников осторожной и обоснованной тактики и пропаганды...» [1, л. 4].

Методы и формы агитационной работы были разные. СНК Горской Автономной Советской Социалистической Республики (ГАССР) предложил проводить агитационную работу через организацию лекций, митингов. Это позволило систематизировать работу агитпропотделов. Осетинский агитпропотдел в октябре 1926 г. постановил: «Создать при агитпропотделе Обкома антирелигиозную комиссию в составе тт. председателя Д. Таболова, Мильздихова, Косирати, Джикаева. Поручить комиссии приступить к изучению религиозных речей и на основе этого повести усиленную борьбу против развивающегося в Осетии баптизма» [2]. В программе были заложены основы антирелигиозной пропаганды среди населения Владикавказа.

В это время борьба с религиозными предрассудками приобретает формы «борьбы за новый быт». О церкви больше не говорилось как о контрреволюционной организации – с религией стали бороться как с пережитком прошлого. С бытовой религиозностью велась непреклонная борьба на всех уровнях, особенно активны были комсомольцы. Живое участие в антирелигиозной работе принимали студенты. Как писали газеты, «осетинское студенчество влилось в Общество (безбожников. – С.Д.) целиком» [3]. Была написана своеобразная памятка студенту-безбожнику: «Каждый студент Горского сельскохозяйственного института, готовясь к работе в деревне среди крес-

тьянства, в большинстве своем начиненного предрасудками и религиозными суевериями, должен быть безбожником. Но быть безбожником – это не значит только не верить в Бога. Такими безбожниками являются теперь многие. Прежде всего, безбожник должен уметь быть агитатором...» [4, л. 249].

Вся агитационная работа до середины 1920-х гг. протекала как массовая, для этого использовали беседы, открытые лекции естественно-научного характера, массовые доклады на темы не отвлеченного безбожного рассуждения, а конкретные естественно-научные темы, например «Электрификация или Илья пророк»; «Вознесение Христа или современное завоевание воздушной стихии» [5, л. 177].

Конечно, партийные организации не забывали об атеистическом воспитании масс, но, учитывая обстановку и свои возможности, проводили эту работу очень осторожно. Таково было указание ЦК ВКП (б). Северо-Кавказский крайком партии в одном из своих документов за 1926 г. отмечал, что атеистическая работа в национальных автономиях еще не развернута в силу отсутствия «работников-националов», соответствующей литературы и пособий, а также особенностей быта горцев [6, с. 12]. Настоящее соревнование, открытая бескомпромиссная борьба за влияние на детей между служителями культа и советскими органами на местах начались позже и продолжались в течение долгого времени [7].

Однако подрыв материальной базы церкви и административные гонения против духовенства не приблизили власть к поставленным целям. Политический отдел по борьбе с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом разослал по районам секретную депешу, в которой с большим неудовольствием отмечалось: «Несмотря на то, что прошло 5 лет со времени принятия Декрета об отделении церкви от государства, он фактически в жизнь еще не приведен» [8, л. 37]. Одним из препятствий для развертывания деятельности, по мнению руководства Союза воинствующих безбожников, была религиозность стариков – родителей безбожников, и некоторым безбожникам «особенно трудно вести антирелигиозную пропаганду и даже самому состоять в ОДГБ» [9, л. 160].

Первый этап антирелигиозного наступления не принес желаемых результатов: большинство населения Владикавказа, несмотря на варварские методы по отрыву от церкви, продолжало оставаться верующим.

Второй этап антирелигиозной работы совпал с провозглашением тезиса о возможности построения социализма и сворачиваем нэпа, что привело к подъему антирелигиозной деятельности. Период относительно спокойных контактов с церковью сменился полосой крайне воинственного, нетерпимого отношения к ней.

Воинствующий атеизм, обретший самые иезуитские формы, должен был воспитывать в новых

поколениях советских людей отвращение к религии. Антирелигиозный вал сметал и материальные атрибуты культа: храмы, монастыри, церковную утварь, книги, иконы.

Массовое закрытие храмов, публичное сожжение икон очень часто осуществлялось активистами Союза воинствующих безбожников (СВБ). Антирелигиозные праздники устраивались также при поддержке властей. Комсомольцы Владикавказа проводили шумные кампании комсомольской Пасхи и Рождества: «На Шалдоне, Молоканской и Курской слободках ознакомить население с докладом о сущности праздника, затем показать вечер самодеятельности, использовать стенгазеты, разъясняющие происхождение Рождества, вечеринки для молодежи» [10, л. 36]. На очередном заседании Союза безбожников было решено: «1. Прежде всего необходимо за день до Рождества и в самое Рождество категорически запретить продажу как водки, так и вина; 2. Ни в коем случае не практиковать выдачу зарплаты к Рождеству; 3. Запретить вырубку и продажу елок» [11, л. 39].

С 1 апреля по 1 мая 1930 г. во Владикавказе проходил очередной антипасхальный месячник. Все школы, детсады, детдома включали в план своей работы ряд конкретных мероприятий по проведению месячника. Он проходил под лозунгом «Добьем кулака и ускорим гибель его опоры – религии». Чтобы втянуть в это движение как можно больше людей, между районами города устраивалось соцсоревнование. В своих обязательствах райсоветы ставили задачу перевыполнить контрольные цифры по членству в СВБ. Поощрялась инициатива на местах по организации филиалов общества «Безбожник»: «Владикавказский Соцвос предлагает Вам проводить в клубные дни в школе работу по организации кружка «Безбожник» и в них вести антирелигиозную работу. Отделу народного образования города Владикавказа разослать по школам циркулярное письмо с требованием организовать кружки «Безбожник» и в них вести антирелигиозную работу» [12, л. 13]. 20 января 1929 г. была проведена крупнейшая во Владикавказе антирелигиозная демонстрация, в которой приняло участие свыше 5 тыс. человек – студенты, рабочие, пионеры. Люди несли плакаты с лозунгами «За новое социалистическое общество – без религии, попов и пьяных праздников!». Демонстранты направились в район, где жили сектанты, – на Молоканскую слободку. Там прошел митинг под лозунгом «Изгнать религиозный дурман из голов трудящихся!».

Борьбу с религиозным влиянием вели и другими методами. В 1928/1929 учебном году в некоторых районах города, где религиозный мусульманский фанатизм был еще силен, учителя открыли при школе общежитие и столовую для учащихся, не допустив тем самым соблюдения школьниками религиозного поста – уразы [13, с. 30].

В антирелигиозной работе было задействовано и искусство. В кинотеатрах Владикавказа показывали фильм «Отец Сергей», в котором в извращенной форме трактовались христианские заповеди. Первые спектакли по той же проблематике ставили кружки художественной самодеятельности, например, пьесу М. Булгакова «Сыновья муллы» и чеченского автора С. Бадуева «Песня о бесчестном мулле и прекрасной Зейнап».

Вторая половина 1920-х гг. печально ознаменовалась закрытием и разрушением городских храмов. В шиитской мечети города, представлявшей историческую ценность, был размещен склад строительных материалов. Такую же участь готовили и для прославленной суннитской мечети, но нашлись здравомыслящие люди и во властных кабинетах, которые отвергли такое предложение, мотивируя свое решение тем, что «здание бывшей татарской мечети является, бесспорно, редким архитектурных памятником» [14, л. 29].

Большой резонанс получила борьба греческой общины с местными властями. В 1928 г. принято постановление горсовета о выселении греческой церкви из школьного здания (т.е. помещения самой церкви), но община этого не сделала. Общество, собрав многочисленные подписи под письмом с просьбой о разрешении функционирования церкви, направило его во ВЦИК. Об этом стало известно местным властям, и они были вынуждены временно приостановить закрытие греческой церкви. Спустя год все же договор с общиной был расторгнут, а здание храма передано школе [15, с. 85]. Следом закрыли грузинскую церковь св. Нины. Здание было передано в военное ведомство. Подошел черед и Осетинской Богородичной церкви. Вначале предполагалось в здании храма создать антирелигиозный музей, но затем оно было передано в ведение Заготзерна, все фрески и картины были затерты.

Не было пощады и другим владикавказским храмам и молельным домам. На заседании горсовета был рассмотрен вопрос о передаче общиной молочан их молитвенного здания на Молоканской слободке в ведение горсовета для использования под школу №1, немецкой кирхи – под клуб и детскую площадку.

Еще более страшная участь постигла другие городские храмы – Александро-Невский, Михайло-Архангельский, Кафедральный и проч. За «ненужностью» они были снесены. Материал от разбора церквей передавался на строительство административных зданий, военных училищ, домов. Партийно-хозяйственный аппарат, для которого уничтожение культовых учреждений было лишь очередной кампанией, подвел под нее правовую базу – массу различных решений и постановлений, в том числе таких, которые максимально упрощали процедуру их закрытия. При этом мало кого интересовало то обстоятельство, что лавина бумаг, а также существующая практика противоречат

ст. 124 Конституции СССР, декларирующей отделение церкви от государства, свободу совести и отправления религиозных обрядов.

Священство также классифицировалось как оппозиционное советской власти и подлежало ущемлению. Допускались оскорбительные выпады в адрес служителей культа и верующих. Газета «Горская правда» опубликовала ряд обличительных статей о деятельности епископа Малиновского, «уличенного» неизвестным «доброжелателем» в пьянстве, участии в азартных играх, «поведении, которое не к лицу не только епископу, но и простому пресвитеру» [16]. Первой жертвой нового режима стал преосвященный Макарий. Смелые выпады против советской власти в годы Гражданской войны оказались для Макария роковыми. Когда на территории Терской республики вновь стали действовать законы советской России, ему напомнили о поклонении «белому генералу» Деникину, забыв о прошлых заслугах священника. Прошло публичное слушание дела епископа Макария: «10 октября (1920 г. – С.Д.) Терский областной ревтрибунал слушал дело по обвинению епископа Владикавказского и Моздокского Макария (Павлова Михаила Михайловича) в контрреволюции и в соучастии в сокрытии мануфактуры, серебра и других предметов в церкви. Совершил следующие преступления: 1) во время приезда генерала Деникина в Кафедральном соборе говорил ему приветственную речь; 2) распространял листовки. Обращаясь к молодежи, развращал население политически и толкал его на борьбу против рабочих и крестьян» [17]. Только благодаря заступничеству влиятельных лиц и преклонному возрасту приговор Макарию смягчили: ссылка в Пермскую губернию без права возвращения во Владикавказ.

Весьма печальна судьба осетинского священника Х.Д. Цомаева. Выпускник Ардонской духовной семинарии, он несколько лет служил в церкви Рождества Богородицы Владикавказа. В годы Гражданской войны спас от расстрела видных большевиков, захваченных полковником Беликовым. В 1925 г. он снял с себя сан священника, активно сотрудничал с наробразом и издательствами газет, занялся переводческой деятельностью (перевел «Героя нашего времени», «Человека в футляре», «Десять дней, которые потрясли мир» и др.).

Однако в период нэпа преследовался властями, не раз был арестован, лишен избирательных прав, в 1936 г. осужден по ст. 58, п. 10, ч. 1 УК за «контрреволюционную деятельность». Приговорен к высшей мере наказания [18].

Очередной жертвой акции в отношении католического духовенства стал глава римско-католической общины Владикавказа А.К. Червинский. Его обвинили в создании и руководстве «контрреволюционной, фашистской, националистической и террористической

группировкой». По приговору военного трибунала от 1 ноября 1937 г. был осужден к расстрелу с конфискацией лично ему принадлежащего имущества [19].

Многие из служителей культа были лишены избирательных прав. Так, с 23 августа 1924 г. по 1 октября 1925 г. по статье 65 п. «Г» было лишено избирательных прав 65 монахов и священников [20]. Сами «лишенцы» тяжело переживали ограничения в своем социальном статусе. Некоторые решительно порывали со своим прошлым, сообщая об этом через местную печать: «Я, диакон обновленческой Апшеронской церкви, Митряев Александр Афанасьевич, перед лицом трудящихся города Владикавказа, через газету «Власть труда» отрекаюсь от своего диаконского сана и от церкви вообще. Хочу быть человеком полезным и трудолюбивым гражданином Советской республики!» [21]. Другие пытались восстановить справедливость, апеллируя к властям. Так, на заседании Владикавказской окружной избирательной комиссии по перевыборам в горсовет рассматривались заявления граждан об исключении из списков лишенных избирательных прав (пункт «Г» ст. 69 Конституции) – М. Дзахоева, М. Коцоева, Беленького, Халина, Королева и других «бывших» [22, л. 52]. Как показывают жалобы и ходатайства, многие, особенно молодые, добивались восстановления в избирательных правах именно для того, чтобы почувствовать себя вновь полноценными членами общества.

Тщательные проверки жалоб и заявлений иногда давали положительные результаты: лишенцы, доказавшие свою лояльность советской власти, оказывались восстановленными в правах. Так, на очередном заседании Владикавказской избирательной комиссии из списков лишенцев были исключены Д.И. Халин, бывший «служитель религиозного культа, как сбросивший сан диакона в 1920 г. и с того времени непрерывно служащий советской власти», П.Е. Солнцев «как живущий на трудовой доход, несущий общественно полезную работу» [23, л. 430]. В то же время

зорко следили за тем, чтобы лишенец прочувствовал всю тяжесть своего положения и не претендовал на скорое восстановление в правах: «Гр. Новоятлову И.А., бывшему пресвитеру общины духовных христиан-молокан, в ходатайстве о восстановлении в правах отказать, как недавно освобожденному от этой должности», а бывшего священника Г.М. Королева не только не восстановили в правах, но и продлили этот срок «как бывшему офицеру и священнику».

Итак, в 20–30-е гг. XX в. формировались новый строй, экономика, политика и идеология. Марксистско-ленинские идеологические постулаты должны были вытеснить устоявшийся религиозный менталитет. Предполагалось в короткое время изменить мировоззрение не только молодых, но и зрелых людей, воспитанных в традиционных рамках. Большевики активно пытались внедрить в сознание людей пролетарскую революционную идеологию, пусть даже карательными мерами. Владикавказская епархия переживала страшные времена. Храмы не просто закрывали, их разрушали, священство подвергалось репрессиям, паства практически оказалась без наставников.

Таким образом, между социально-экономическими свершениями: индустриализацией, набравшей силу коллективизацией и проходившим в конце 20-х гг. движением за закрытие церковью проследивается закономерная связь. Новый строй предполагал новую идеологию, старой – религиозной – уже не было места. Государство повело двойную игру – формально, на уровне юридических документов, церковь была отделена от государства, и потому последнее якобы не вмешивалось в религиозную сферу и не препятствовало исповеданию любой веры. Разгром церковью стал будто бы делом энтузиазма трудящихся. С другой стороны, религиозная деятельность облагалась непомерными налогами, возложенными на церковь, всевозможными обязательными сборами, ущемлением гражданских прав служителей культов и верующих.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). – ФР. 124. – Оп. 1. – Д. 33.
2. Власть труда. – 1926. – 26 окт.
3. Власть труда. – 1925. – 8 февр.
4. ЦГА РСО-А. – ФР. 56. – Оп. 2. – Д. 4. – Ч. 1. – Д. 1.
5. ЦГА РСО-А. – ФП. 4. – Оп. 1. – Д. 36.
6. Известия Северо-Кавказского крайкома ВКП (б). – Ростов-на/Д., 1926.
7. Власть труда. – 1929. – 23 янв.
8. ЦГА РСО-А. – ФР. 41. – Оп. 2. – Д. 18.
9. ЦГА РСО-А. – ФП. 4. – Оп. 1. – Д. 40.
10. ЦГА РСО-А. – ФР. 123. – Оп. 1. – Д. 33.
11. ЦГА РСО-А. – ФР. 124. – Оп. 1. – Д. 35.
12. ЦГА РСО-А. – ФР. 49. – Оп. 1. – Д. 222.
13. Хатаев, Е.Е. Из истории общественно-политического воспитания в осетинских школах (1918–1945 гг.) / Е.Е. Хатаев // Некоторые вопросы истории и практики воспитания. – Орджоникидзе, 1975. – Вып. 2.
14. ЦГА РСО-А. – ФР. 47. – Оп. 2. – Д. 27.
15. Шахбазов, В.А. Греки Владикавказа / В.А. Шахбазов. – Владикавказ, 1999.
16. Горская правда. – 1923. – 14 нояб.
17. Коммунист. – 1920. – 13 окт.
18. Архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований РАН. – Ф. 1. – Д. 610.
19. Власть труда. – 1926. – 17 окт.
20. Власть труда. – 1928. – 12 окт.
21. ЦГА РСО-А. – ФР. 47. – Оп. 2. – Д. 9.
22. ЦГА РСО-А. – ФР. 56. – Оп. 2. – Д. 4. – Ч. 2.
23. ЦГА РСО-А. – ФР. 47. – Оп. 2. – Д. 23.